

КИТАЙСКИЕ РЕФОРМЫ НА ВЕСАХ ИСТОРИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Николай Павлович РЯБЧЕНКО,
кандидат исторических наук

Прошло 30 лет со времени начала реформ. За эти годы Китай достиг впечатляющих успехов, но накопилось и немало проблем. В том числе усиливаются опасные социально-экономические процессы, которые многими в мире расцениваются как отход от социализма и постепенное превращение страны в капиталистическую. В КНР также идут споры об этой проблеме¹. Мы сторонние наблюдатели, но Китай для нас далеко не безразличен. Это соседнее дружественное государство, которому мы желаем дальнейших успехов и процветания.

Надеемся, что взгляд со стороны на китайские реформы может быть полезен. Как человек не видит своего лица, не может объективно оценить свои действия и получает такого рода информацию извне, так и страны нуждаются во внешних оценках, которые, однако, могут быть ошибочными или не полностью верными. Ведь человек, если продолжить сравнение, знает о себе многое, чего не знают другие. Истина же может находиться в самых разных точках диапазона внешних и внутренних оценок, от одних крайних значений до других.

Реформы стали целым большим периодом в жизни китайского общества. Чтобы его оценить, прежде всего надо разобраться, какое место он занимает в современной истории Китая, а для этого придётся выяснить, что означало для страны вступление в период реформ, каковы его особенности и перспективы, т.е. попытаться дать взвешенную историческую оценку. Рассматриваемый период ещё не завершился, поэтому такая оценка может быть только предварительной. Тем не менее она необходима, так как в общественных и гуманитарных науках уже давно идёт изучение процессов реформирования китайского общества.

История — это движение человечества во времени и пространстве. Традиционно история изучает события и изменения в жизни людей, которые уже произошли. Сравнительно недавно появилось и закрепилось в науке понятие «современная история», относящееся к текущим событи-

ям. Они представляют собой не только продолжение или следствие происшедшего ранее, но нередко очень весомую и значительную часть будущих событий. Сейчас проблемами будущего занимается футурология. Однако, по большому счёту, как продолжение движения человеческих обществ во времени и пространстве, это проблемы истории, которая даёт возможность видеть и понимать тенденции развития, анализировать проблемы и конфликты, которые ещё только назревают, пути их разрешения и возможные последствия, а также, как всё это будет влиять на деятельность людей, а через неё на формирование ожидаемого и проектируемого будущего.

Таким образом, история — это наука не только о прошлом, настоящем, но и о будущем. Отсюда следует важный методологический вывод, что исторические события и этапы, в том числе период реформ в КНР, следует оценивать в трёх временных измерениях: в отношении прошлого, настоящего и будущего. Пространственные измерения должны охватывать страну, регион, в который они входят, и весь мир.

В практическом плане такой подход даёт возможность выявлять и отслеживать моменты развития социума, которые идут из прошлого, но в силу объективных причин должны неизбежно отмереть. Те, которые сохранятся, будут влиять на его будущее, и нарождающиеся новые элементы, сущность и роль которых ещё не совсем понятна, должны стать объектом изучения. Хотя это новое, если внимательно к нему присмотреться, оказывается, как говорится, хорошо забытым старым. Ставшие актуальными и получившие новое развитие идеи и связанная с ними практика раньше в силу каких-то объективных или субъективных причин пребывали на периферии общественной жизни. Пример тому хорошо известная с древности, но только несколько лет как вновь взятая на вооружение китайскими властями идея создания гармоничного общества.

Реформы в КНР были вынужденным шагом, но таково большинство реформ. С одной стороны, предстояло продвинуть вперёд дело модернизации страны, с другой — после длительных экспериментов с народными коммунами, попыток поднять с их помощью сельскохозяйственное производство страна оказалась на грани голода (100 млн. чел. недоедали). Трудно было сразу найти выход. По первоначальному плану модернизации, возникшему в середине 70-х гг., предполагалось развернуть широкое промышленное строительство. Для этих целей решили закупить за рубежом 22 комплекта заводского оборудования стоимостью 12 млрд. дол. Необходимые средства рассчитывали получить за счёт экспорта нефти. С помощью иностранных специалистов были развёрнуты работы по поиску новых её запасов, но результаты оказались неутешительными. Пришлось искать другие источники финансирования для закупок оборудования. Чэнь Юнь, экономический советник Дэн Сяопина и один из высших китайских руководителей, предложил снять путы и активизировать производительные силы деревни, что и было сделано путём перехода от народных коммун к семейному подряду². Так страна избежала голода, получила средства для

осуществления программы «четырёх модернизаций», в Китае быстрыми темпами начали развиваться рыночные отношения.

Отдалённым и совершенно непредвиденным последствием реформ для КНР стала возможность избежать коллапса, подобного советскому. Допустив рыночные отношения (своего рода нэп), китайские власти дали больший простор развитию экономики, что позволило увеличить производство продовольствия, товаров первой необходимости и таким образом снизить социальную напряжённость в обществе. Свою роль, вероятно, сыграло и то, что социалистический строй в Китае был ещё совсем «молод» и не перегружен застарелыми «болезнями», как в СССР. В Пекине были потрясены крушением советского режима. Там до сих пор изучают и обсуждают это событие с целью извлечь уроки на будущее. Для российских учёных данная тема также представляет немалый научный интерес, так как касается недавнего прошлого своей страны.

В советской системе было заложено противоречие, идущее со времён Просвещения и связанное с преклонением перед разумом. Если при капитализме рыночная стихия не позволяла обществу покидать почву реальности, то при социализме не сдерживаемый ничем произвол волевых решений заводил в такие тупики, из которых можно было выбраться только ценой очень больших потерь. Так было в Советской России в период военного коммунизма, а в КНР в годы «большого скачка». Немалый ущерб наносила и слепая вера в использование научных методов организации экономики, главным из которых считалось планирование.

В Европе ещё в начале XX в. были проведены расчёты, показавшие, что планирование народного хозяйства имеет ограниченные возможности, и с этим следует считаться³. В Советском Союзе такое предостережение было проигнорировано. Стремясь показать преимущества разумного подхода к делам общества в противовес стихийному капиталистическому, Москва ввела практику долгосрочного пятилетнего планирования экономического и социального развития страны. Так как было трудно согласовать действия множества факторов и постоянно усложняющиеся хозяйственные связи, то реальным рабочим документом стал годовой план. Тем не менее стремление планировать всё и вся не ослабевало. В Москве был создан Центральный экономико-математический институт, разрабатывались новые методы планирования. Советские власти пребывали в уверенности, что всё многообразие жизни страны следует удерживать в рамках плана, хотя постоянно возникающий дефицит тех или иных товаров говорил об обратном.

Увлечение планированием не миновало и Китай. Сунь Ятсен в своё время подготовил промышленный план и очень подробный план железнодорожного строительства, осуществить которые так и не удалось. Зато первый пятилетний план КНР (1953—1957) оказался в целом успешным. Тогда были заложены основы тяжёлой промышленности страны, т.е. планирование, безусловно, является одним из важных экономических инструментов. Нужно только соблюдение меры. Как при строительстве до-

ма в его плане можно просчитать все технические детали, но невозможно предвидеть дизайн мебели и художественные вкусы жильцов, так и в экономике создание производственных объектов, формирование оптимальных экономических пропорций и связей следует планировать, но угодить личным потребностям людей лучше всего сможет рынок. В зависимости от этапа развития народного хозяйства и конкретной отрасли больше предпочтения приходится отдавать либо плану, либо рынку. Они взаимно дополняют друг друга, и никакое современное общество не сможет обойтись без их сочетания: ни северокорейские коммунистические ортодоксы, допустившие у себя в стране свободную торговлю, ни американские либералы, вынужденные принимать планы выхода страны из финансового кризиса.

Хотя Китай пошёл на реформирование экономики и рыночные отношения под влиянием тяжёлого экономического положения, но нельзя забывать, что были и другие влияния. В начале 60-х гг. КНР стала последовательно сворачивать экономические связи с Советским Союзом и одновременно налаживать и расширять их с Западом. С началом реформ Китай стал заимствовать на Западе не только современные технологии, но и формы экономических отношений. Непосредственно на практике их начали внедрять многочисленные зарубежные китайцы («хуацяо»), прибывшие в КНР для ведения собственного бизнеса. Постепенно денежные отношения в Китае стали выходить на первый план, охватив даже такие сферы, как здравоохранение, образование, культура, и опередив в этом многие капиталистические страны.

Рыночная экономика занимает сейчас в КНР господствующее положение. Но насколько это соответствует современным мировым тенденциям и перспективам развития самого Китая?

В отличие от плановой экономики, где производитель товара и его потребитель разобщены, рынок соединяет людей и тем самым выполняет важную общественную функцию. Он же работает на разрушение общества, когда самые предприимчивые получают сверхприбыли и социальное расслоение начинает превышать разумно допустимые пределы. Быстрый оборот капитала, достигаемый благодаря техническим новинкам и расширению сфер человеческой деятельности, даёт огромные возможности для обогащения его владельцам. Однако ещё большие прибыли и более разрушительные для общества последствия несёт превращение денег в товар. Так как в настоящее время они не имеют золотого содержания, а часто и никакого товарного покрытия, то полученные таким путём доходы превращают экономику в «мыльный пузырь». При этом обладатели капиталов стараются получить за свои «воздушные» деньги реальные ценности. Капиталисты, чьи состояния исчисляются астрономическими цифрами, с лёгкостью получают контроль и над материальными ресурсами и стараются так выстраивать систему своего господства, чтобы она ещё эффективнее обеспечивала корыстные интересы крупной буржуазии и была незыблемой.

Нынешний финансовый кризис уже показал, чего стоит такая экономика. Оказалось, что имеющиеся в обращении деньги обеспечены товарами всего на 10—15%, и, чтобы не наступил всеобщий хаос, приходится за счёт государства, т.е. фактически за счёт общества, бороться с надвигающейся катастрофой. Чем сейчас и заняты правительства всего мира.

В странах с давними и глубокими традициями рыночной экономики, таких как Франция и Германия, население прекрасно понимает эксплуататорскую и вредную для общественного блага сущность капитала. Там в школьных учебниках пишут, что «принципы капитализма, свободного рынка и предпринимательства дикие, вредные и безнравственные». В 2005 г. лишь 36% французов поддерживали систему свободного предпринимательства. 47% немцев (по данным на 2007 г.) придерживались социалистических идей. Во время проведения одного из социологических опросов оказалось, что только 1% французов и 2% немцев были заняты созданием своего дела (в США 8%)⁴.

Чтобы удержать контроль над обществом, капитал проявляет завидную находчивость. Ещё в XIX в. он «приручил» социал-демократов и сделал их своими союзниками в борьбе против действительно опасного противника — коммунистов. В XX в. было немало сделано, чтобы затушевать существующие классовые различия, в частности, изобретено деление трудящихся на «синие» и «белые» воротнички, допускалось их участие в прибылях предприятий. В 1980 г. социал-демократы во главе с В. Брантом выдвинули новое неклассовое деление мира между богатыми и бедными странами: Север — Юг. Оно отвлекло внимание общества от обострившейся в то время борьбы двух мировых систем — социалистической и капиталистической — и приглушало вопрос об исторической ответственности капитализма за колониальную и неоколониальную эксплуатацию народов. В конце прошлого — начале нынешнего века на Западе стали активно эксплуатировать идею формирования «среднего класса» как гаранта процветания общества и сохранения его стабильности. На самом деле «средний класс» — это «подушка безопасности» для крупного капитала. Она помогает сохранять существующую социальную систему и принимает на себя удары экономических кризисов.

Китай, начав рыночные реформы и проводя политику открытости во внешний мир, подвергался всё большему влиянию мирового капиталистического рынка и в полной мере ощутил его негативное воздействие. Он оказался в роли эксплуатируемого. Развитые страны «благородно» взяли на себя «тяжкий труд» заниматься финансами, оставив Китаю трудоёмкие, грязные, ресурсо- и энергозатратные производства. Мало того что миллионам китайских трудящихся пришлось за гроши работать на иностранного «дядю», так ещё значительная часть заработанного уходила «на хранение» в его банки, оффшоры. Надежды, что ценой всех этих трудов удастся получить доступ к современным технологиям, так и остались надеждами. Пример тому автомобильная промышленность. Допустив на свой рынок зарубежные автомобилестроительные компании, Китай в конце

концов оказался перед фактом, что 95% внутреннего рынка легковых автомобилей приходится на долю совместных китайско-иностранных предприятий, но ключевые технологии так и не попали к нему в руки. Также умело иностранный капитал действует и в других отраслях. В зависимости от него попали электроника, производство пластмасс, средств связи, пищевая промышленность, транспортное машиностроение⁵.

Увлечение рынком в Китае зашло, пожалуй, слишком далеко. Мы помним, с какой осторожностью Пекин допускал рыночные нововведения и как бурно этот процесс пошёл в последующем, захватывая все новые сферы жизни общества. Результатом стал рост социальных противоречий, самое крупное из них — между городом и деревней. Опасных размеров достиг разрыв между богатыми и бедными. Проблематично стал выглядеть первоначальный замысел инициаторов реформ: сначала пусть богатеет часть людей и районов, а потом остальные. Уровень богатства одних становится недостижимым для других. Сформировалась целая система, благоприятствующая богатым и отсекающая пути развития для бедных. В её основе интерес мировой капиталистической системы в эксплуатации Китая. Для неё нет необходимости вкладывать средства в менее прибыльные центральные или западные районы. Достаточно более развитых южных прибрежных районов. Как партнёры зарубежного бизнеса, они справляются со своими задачами и одновременно воспроизводят тот же тип отношений внутри страны. Так, Шанхай сейчас известен не столько своей промышленностью, сколько финансами и операциями с недвижимостью.

Избыток капитала в южных прибрежных районах притягивает ресурсы со всей страны. По официальным данным, сюда приехала молодёжь из всех деревень⁶. Это готовый бесплатный качественный человеческий ресурс, который местные и зарубежные «рыночники» умело используют для своего обогащения. Да, они богатеют «в первую очередь». Но когда наступит очередь тех, кто в ней второй, третий и т.д.? Что может подвинуть молодёжь из деревень и богатого юга такой же огромной массой ехать поднимать центральные, западные, северо-восточные районы? Нет столь мощной силы, сравнимой с «насосом» мировой капиталистической системы, перекачивающим богатства к «золотому миллиарду» человечества. Поэтому нет уверенности, что рыночные отношения, получив свободу и оживив производительные силы китайского общества, дав возможность процветания отдельным регионам и социальным группам, дальше будут действовать только ко ему на пользу, а не во вред, создавая новые диспропорции, ставя выгоду «инвесторов» выше интересов народа.

В Пекине понимают, какие издержки несут с собой реформы, и стараются их минимизировать. На XVI съезде КПК (2002) международный политический и экономический порядок был совершенно верно охарактеризован как «несправедливый»⁷. Начался отход от экспортной ориентации экономики в пользу её комплексного и социально ориентированного развития. Этот курс был закреплён XVII съездом КПК (2007). Принимаются

меры по социальной защите населения. Важнейшей мерой, направленной на поддержку деревни, стала отмена сельскохозяйственного налога⁸. Шаг не рыночный, но вполне оправданный. Он соответствует китайской традиции заботы государства о народе и современной практике развитых стран, всячески поддерживающих своё сельское хозяйство.

С точки зрения институциональной теории, разрабатываемой О.Э. Бесоной, для Запада больше характерна рыночная экономика, а для Востока — раздаточная, связанная с активной ролью государства в хозяйственной жизни. Причём на практике происходит частичное взаимопроникновение этих двух типов: на Западе даже в самых либеральных странах сохраняются элементы раздатки, например в социальном обеспечении населения, на Востоке наряду с традиционно сильной ролью государства в экономике также получают развитие рыночные отношения⁹. Так что, если в Китае станет немного меньше рынка, это будет не отступлением от реформ, а совершенно оправданным возвратом к исторически присущей ему модели хозяйствования.

Определённые коррективы ожидают и само реформируемое китайское общество. Многие элементы западной цивилизации, которые проникли в Китай в годы реформ, но уже явно устарели, уйдут в прошлое. Прежде всего это относится к безудержной и расточительной культуре общества потребления. Будут также поколеблены пришедшие с Запада и ещё недавно казавшиеся незыблемыми вера в рынок, во всемогущество разума и нацеленность на борьбу с природой.

Что же дальше? Что станет продолжением реформ? Сейчас уже хорошо видно, что это будет осуществление впервые провозглашённой КПК в 2004 г. идеи создания гармоничного общества, которая представляет собой логичное завершение поиска Китаем собственного пути развития. Вначале был пришедший из Советской России марксистско-ленинский социализм, дополненный идеями Мао Цзэдуна, потом социализм с китайской спецификой, сейчас идея социалистического гармоничного общества, которая соответствует не только идеалам прогресса и справедливости, но и самому характеру китайской культуры, отличительными особенностями которой являются стремление к гармонии, целостности, спокойствию и умиротворению¹⁰.

Значение нового теоретического подхода выходит далеко за пределы Китая. Идеалы гармонии близки народам Востока. Поэтому поднятая Пекином проблема не является только частью социализма с китайской спецификой. Фактически это проявление лица и позиции всего Востока. Нынешнему несправедливому, грозящему саморазрушением устройству мира противопоставлен позитивный и конструктивный идеал, который со временем найдёт широкий отклик и на Западе как современная общемировая идея, призванная стать частью каждой национальной идеи. Создание гармоничных обществ должно стать предпосылкой гармоничных отношений между народами и гармонично развивающимся человеческим сообществом. Конечно, это очень далёкая и труднодостижимая цель. Но сама по-

становка и энергичные действия крупнейшей страны мира, направленные на достижение такой цели, свидетельствуют, что исторический сдвиг, возникший в начале XX в. с пробуждением народов Востока, перешёл в новую, очень важную по своему значению фазу.

Достигнутый за годы реформ экономический рост укрепил положение КНР в мире и Азиатско-Тихоокеанском регионе. В ближайшие десятилетия по своим экономическим показателям Китай станет бесспорным мировым лидером. Однако не менее важно, что уже сегодня он играет роль ядра всего Востока. Завершение идущего сейчас процесса экономического сближения Китая, стран АСЕАН, Японии и Кореи будет означать формирование восточного полюса мировой цивилизации. Мир примет явно выраженную двухполюсную структуру, отражающую его естественное строение. Запад и Восток продолжают своё взаимодействие в условиях глобализации.

Вполне возможно, что после 500 лет непрерывной экспансии Запада его сменит Восток, чтобы заняться переустройством мира в соответствии со своими ценностями и идеалами. Учитывая, что численность населения незападного мира уверенно приближается к 90% общемирового, то, скорее всего, так и произойдёт. Однако не следует совсем списывать Запад со счетов. Он неотъемлемая часть заложенной в человечестве на генетическом уровне дуальной оппозиции Восток — Запад, внутреннего «двигателя», сочетающего устойчивость и изменчивость в процессе развития¹¹.

Уместно задать вопрос: каким образом будет осуществляться переход к гармоничному обществу? С чего начать? Вероятно, с исторически оправдавшего себя и хорошо известного в России принципа «исправления имён», то есть выяснения, насколько то, что мы декларируем, соответствует действительности. Разумеется, желательно, чтобы всегда имело место такое соответствие, но жизнь вносит коррективы в наши намерения. Со временем расхождение становится всё более заметным и приходится прибегать к «исправлению имён». Тем более такая корректировка нужна в начале каждого большого дела, чтобы, приступая к нему, твёрдо стоять на почве реальности. А создание гармоничного общества — самый амбициозный проект, который только можно себе представить.

За 30 лет реформ в Китае изменилось очень многое. В обществе немало диспропорций, требующих исправления. Теперь, когда народ достиг уровня средней зажиточности, новую актуальность приобретает вопрос социальной справедливости. Кроме сокращения разрыва в уровне доходов между городом и деревней и полной ликвидации бедности предстоит и более основательная постановка проблемы справедливости: насколько доходы людей соразмерны усилиям, которые они затрачивают. Предприимчивость, особая ловкость, удача не должны давать людям, ими обладающими, беспредельные возможности для обогащения. Кроме того, что богачи «отъедают» непропорционально большую долю «пирога», принадлежащего всей нации, так они ещё стремятся закрепить достигнутые выгодные позиции и выдавать свои интересы за общие. Многие из них

занимают руководящее положение или имеют связи во властных структурах, что усиливает их деструктивное воздействие на общество. Было время, когда можно было не обращать внимания, какого цвета рыночная «кошка», белая или чёрная, лишь бы «ловила мышей». С годами «кошка» росла, и уже пора уточнить, «кошка» это или тигр, который не сегодня-завтра может съесть хозяина.

Чтобы прекрасные мечты о гармоничном обществе не остались мечтами или, ещё хуже, их не стали использовать люди, преследующие корыстные, антиобщественные интересы в качестве ширмы, Пекину придётся обратиться к грубой реальности и назвать вещи своими именами. Само собой здесь ничего не «рассосётся». Мы помним, как хорошо началось внедрение рынка в СССР (кооперативы, центры научно-технического творчества молодёжи и т.д.), и как плохо всё кончилось для страны — её распад и превращение в классическое капиталистическое государство. От чего ушли, к тому и пришли.

¹ Дискуссии в Китае о демократическом социализме // Вопросы философии. 2006. № 8. С. 16—38.

² Kynge J. China Shakes the World. The Rise of a Hungry Nation. L.: Phoenix, 2007. P. 14—15.

³ Ольсевич Ю., Грегори П. Плановая система в ретроспективе: Анализ и интервью с руководителями планирования в СССР. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2000. С. 7.

⁴ Тайль Ш. Пораженческая философия европейцев // Pro et Contra. 2008. № 1. С. 86—87, 91.

⁵ Китай: угрозы, риски, вызовы развитию / под ред. В. Михеева; Моск. Центр Карнеги. М., 2005. С. 208—211.

⁶ Гельбрас В. КНР: социальные последствия «реформ и открытости» // Азия и Африка сегодня. 2008. № 8. С. 4.

⁷ Китай: угрозы, риски, вызовы развитию... С. 360.

⁸ Гельбрас В. КНР: социальные последствия «реформ и открытости»... С. 2—7.

⁹ См.: Бессонова О.Э. Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1999. С. 73—74.

¹⁰ Линь Яньмэй. О теории социалистического гармоничного общества // Вопросы философии. 2007. № 5. С. 39.

¹¹ См.: Рябченко Н.П. К вопросу о месте и роли России и Китая в современном мире // Китай: шансы и вызовы глобализации: тез. докл. XIV Междунар. науч. конф. Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы. (М., 23—25 сент. 2003 г.). М., 2003. Ч. 2. С. 29—33.

SUMMARY: Reforms—the whole big period in the life of Chinese society. It has yet not come to the end; therefore its estimation can be only preliminary. Achieved for years of reforms economic growth has strengthened position of China in the world, which today plays a role of a nucleus of all East. Now it is well visible, that continuation of reforms will be realization of the idea of creation of a harmonious society, which represents logical end of searching his way of development by China.